

**Русский архив. Историко-
литературный сборник. 1885**

Выпуски 5-8

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Р89

Р89 Русский архив. Историко-литературный сборник. 1885: Выпуски 5-8 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 620 с.

ISBN 978-5-458-38645-6

«Русский архив» — ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся в Москве с 1863 по 1917 год. Создателем и продолжительные годы редактором журнала был П. И. Бартнев – историк, археограф, библиограф. Этот журнал называли «живой картиной былого», поскольку он содержал преимущественно публикации неизданных мемуарных, эпистолярных, литературно-художественных и ведомственных документальных материалов, освещавших культурную и политическую историю России в XVIII и XIX вв. По числу опубликованных источников «Русский архив» стоит на первом месте среди русских исторических журналов. В течение полувека П. И. Бартнев издавал журнал, сумел много написать, опубликовать, открыть множество неизвестных источников. Служба П. И. Бартнева в Архиве министерства иностранных дел, поездки за границу, работа в Чертковской библиотеке позволили редактору познакомиться с разнообразными материалами по истории России. Интересен факт, что именно П. И. Бартнев подбирал исторический материал для романа "Война и мир". Когда известный граф М. С. Воронцов пригласил П. И. Бартнева издать семейный архив Воронцовых, историк познакомился с его женой, Елизаветой Ксаверьевной, услышал от нее много интересных рассказов о Пушкине. Впоследствии в разных журналах, в том числе и в «Русском архиве» были опубликованы статьи П. И. Бартнева, посвященные Пушкину, которые легли в основу будущих исследований пушкинистов, биографов, краеведов, изучавших его творчество. На страницах журнала были опубликованы произведения русских писателей и поэтов: В. А. Жуковского М. Ю. Лермонтова, Н. М. Карамзина, Н. В. Гоголя. Среди редких исторических документов в «Русском архиве» были опубликованы материалы об Отечественной войне 1812 года (1890), записки и письма декабристов (во многих книжках «Русского архива» различных годов).

ISBN 978-5-458-38645-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

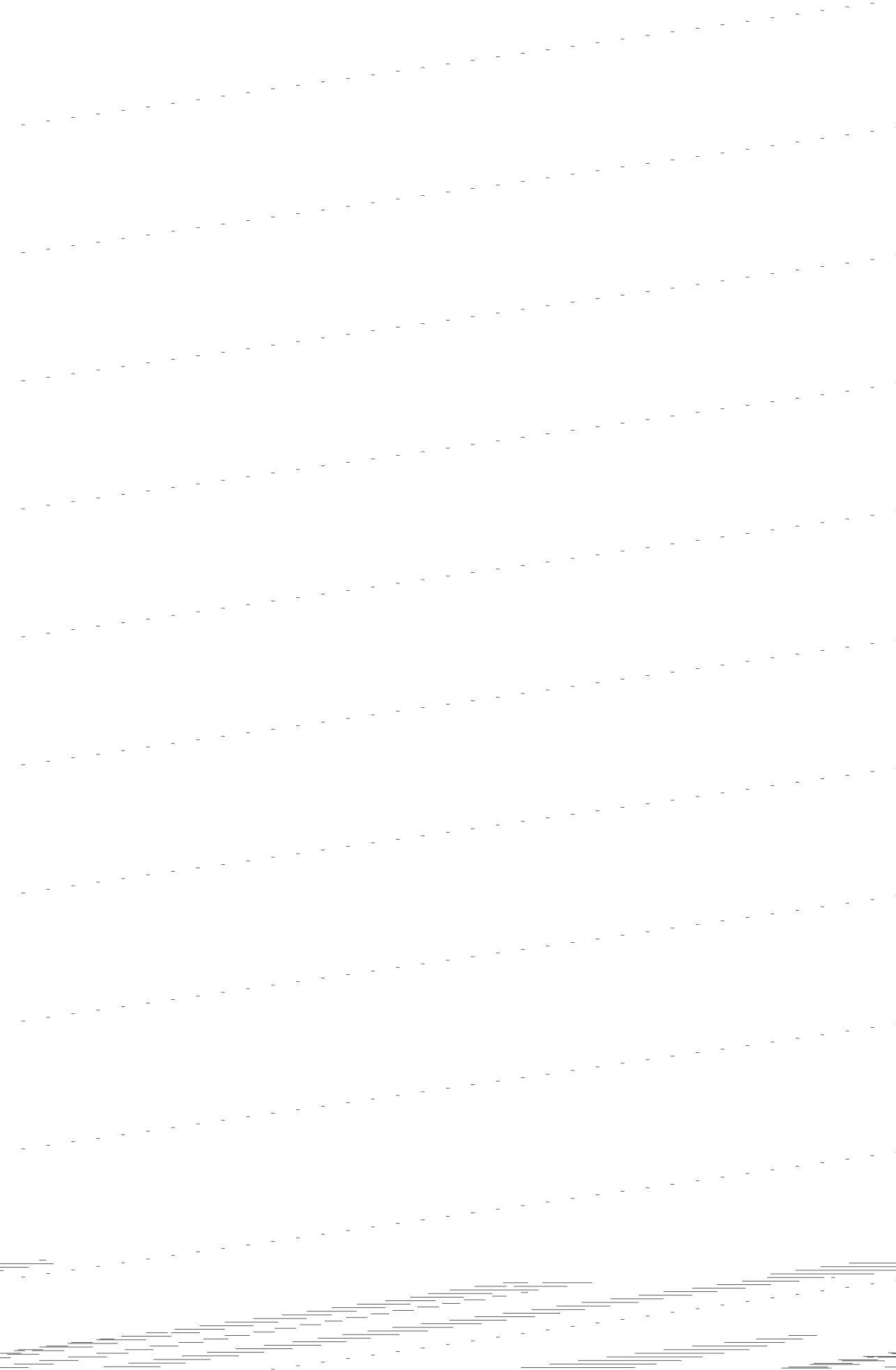
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Перепечатка бумагъ и статей изъ «Русскаго Архива», какъ въ цѣломъ составѣ, такъ и въ отрывкахъ, не допускается безъ предварительнаго согласенія.

ЗАПИСКИ ГРАФА ДМИТРІЯ НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТАГО.

Скончавшійся на 78-мъ году отъ роду, 14 Марта 1884 года, графъ Д. Н. Толстой принадлежалъ къ числу достопамятныхъ людей Русской земли, и мы признательны вдовѣ его за позволеніе обнародовать нижеслѣдующія выдержки изъ его Записокъ, къ сожалѣнію не конченныхъ. Живою умъ и дѣятельное сердце постоянно влекли его къ участию въ современной жизни и, нѣсколько разъ принимаясь за свою автобіографію, онъ покидалъ ее для какого нибудь другаго труда, который болѣе занималъ его. Богословіе, исторія, археологія, языкованіе и внутренняя политика были предметами его долгихъ и всегда самостоятельныхъ наблюденій и разслѣдованій. Многихъ людей вывелъ онъ на плодотворную дѣятельность; немало дѣльныхъ сочиненій по вышеназваннымъ предметамъ одолжены ему своимъ починомъ. Человѣкъ глубокой вѣры, но безъ малѣйшей тѣни ханжества и непрощеннаго наставничества, онъ въ тоже время былъ многосторонне образованъ. Его уважали и любили отъ крестьянской избы и монастырской кельи до дворцовъ и министерскихъ палатъ, и лишь стойкость нрава помѣшала ему занимать первенствующія должности. Долго не позабудется имя такого вѣрнаго сына церкви и такого истинно-Русскаго человѣка, какимъ былъ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой. П. Б.

I.

28-го Марта 1872 г. ¹⁾

Давно и многіе совѣтовали мнѣ приступить къ составленію записокъ о моей жизни, и я уже не разъ начиналъ ихъ. Первые мои годы до 14-тилѣтняго возраста описаны мною еще въ сороковыхъ годахъ и напечатаны въ тоже время въ «Иллюстраціи», изд. А. П. Башуцкимъ, въ какомъ именно году не помню ²⁾, подъ заглавіемъ «Автобіографія

¹⁾ Писано въ Сергіевомъ Посадѣ.

²⁾ 1848 г., № 33.

обыкновеннаго человѣка». Гораздо позже, уже по выходѣ моемъ изъ департамента полиціи исполнительнѣй, описано мною служеніе мое въ должности директора этого департамента, но не доведено до конца и брошено во множествѣ другихъ моихъ бумагъ въ селѣ Толстыхъ. Нѣкоторое время службы моей также записано въ особо переплетенной книгѣ, озаглавленной: «Diarius», и находящейся въ моей Знаменской библіотекѣ. Это описаніе ведено въ формѣ дневныхъ записокъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ изъ моей Рижской жизни ³⁾. Но всѣ эти попытки были отрывочны, не имѣли продолженія и принесены въ жертву моей лѣни.

Жизнь моя сама въ себѣ не представляетъ ничего особеннаго, развѣ только то, что я провелъ ее безплоднѣе многихъ другихъ. Непутѣшительныя, стало быть, будутъ для меня многія воспоминанія, и по самолюбію я не долженъ былъ бы рѣшаться на изложеніе ихъ въ этой тетради. Но, съ одной стороны, настоянія моихъ друзей, а съ другой—совершенное отсутствіе всякой дѣятельности заставляютъ меня рѣшиться на этотъ трудъ, особенно при мысли, что эти строки со временемъ будутъ прочтены, если не съ пользою, то, надѣюсь на милость Божию, съ любовью, моимъ сыномъ, котораго я люблю больше всего на свѣтѣ...

Я родился 12-го Марта 1806 года въ с. Знаменскомъ, Толстыхъ тожъ, Рязанской губерніи, Данковского уѣзда ⁴⁾, отъ отца графа Николая Ѳедоровича и матери гр. Натальи Андреевны, урожденной княжны Львовой. Семейство наше состояло изъ пяти сестеръ и трехъ братьевъ; я былъ самый младшій. Не буду я расхваливать здѣсь моихъ родителей: всякая похвала имъ отъ нѣжно любившаго ихъ сына могла бы показаться преувеличенною или пристрадною, чего я не отрицаю. Скажу однакоже, что, насколько я могу отвлечься мысленно отъ всякаго пристрастія, мнѣ кажется, что они были люди строго благочестивые, добрые и несомнѣнно честные. Насъ они любили нѣжно, а мы, можно сказать, боготворили ихъ. Гостепріимство составляло главную черту отца, любовь къ человѣчеству и невозмутимыя кротость и доброта сердца—матери. Кого-кого не жило въ нашемъ домѣ? Кто не

³⁾ Напечатано въ статьѣ „Прибалтійскій край“. Изъ дневника Русскаго чиповника (1845—1846). Русскій Архивъ 1881 г. III, 85.

⁴⁾ Покойный графъ такъ любилъ это помѣстье, что за нѣсколько лѣтъ до кончины испросилъ себѣ право прибавить его названіе къ своему имени и подписывался: „Графъ Толстой-Знаменскій“. П. Б.

находилъ въ немъ пріюта? Кромѣ неизбѣжныхъ гувернера и гувернантки жилъ у насъ танцевальный учитель, Полякъ, выписанный изъ Москвы на четыре мѣсяца и прожившій въ нашемъ домѣ слишкомъ сорокъ лѣтъ. Онъ и умеръ у насъ. Жилъ Нѣмецъ управляющій, жила Голандка-экономка, жили нѣсколько странниковъ, отставныхъ офицеровъ и т. п. Эти послѣдніе постоянно смѣняли другъ друга, тогда какъ первые и померли у насъ; впрочемъ, нѣкоторые и изъ послѣднихъ нашли себѣ вѣчный пріютъ подъ сѣнію нашей приходской церкви. Наконецъ, постоянно пребывали шуты и дураки, неизбѣжная принадлежность всякаго барскаго дома того времени, наравнѣ съ псовой охотой, хоромъ музыкантовъ и пѣвчихъ. Прислуга была, разумѣется, крѣпостная и составляла человекъ сорокъ мужчинъ и столько же женскаго пола. Къ ней же относились, хотя стояли гораздо выше, изъ мужчинъ—дворецкій, камердинеръ отца и казначей или буфетчикъ, а изъ женщинъ—домовая ключница, барскія барыни и отставныя мамы и няни. Всѣ они имѣли особый столъ и свою особую прислугу.

Образъ жизни у насъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ мѣстныхъ дворянъ. Родители радушно принимали гостей, и сами по временамъ ѣзжали къ сосѣдямъ. Старшія дѣти почти всегда ѣздили съ ними; бирали иногда и насъ. Чтò касается до меня, это не составляло для меня особеннаго удовольствія: я нигдѣ не встрѣчалъ такого большаго и хорошо содержимаго сада, какъ у насъ, и нигдѣ не рѣзвился такъ какъ дома.

Мы ежегодно, обыкновенно лѣтомъ, ѣзжали въ Задонскъ. Туда привлекало отца благоговѣйное чувство къ памяти преосвященнаго Тихона, и тамъ же былъ погребень родной братья отца графъ Степанъ Федоровичъ. Сборы въ это путешествіе всегда были очень продолжительны, и самая поѣздка длилась всегда не менѣе недѣли, хотя Задонскъ отъ насъ отстоитъ всего только на сто верстъ. Поѣздъ былъ предлинный: карета для матери, другая для сестеръ съ гувернанткой, коляска для отца, коляска для братьевъ съ гувернеромъ (я и младшія сестры помѣщались съ матерью), дрожки, брички (тарантасовъ тогда не знали) для женской прислуги, фургонъ для постелей, другой для кухни и палатокъ. Все это тянулось почти шагомъ; рысь допускалась только подъ изволоки. Мы останавливались въ полѣ, близъ селеній, чтобы можно было запастись провіантомъ и фуражемъ. Если погода благоприятствовала и мѣстоположеніе нравилось, отецъ послѣ обѣда ложился отдыхать, потомъ пили чай, ужинали и ночевали. Бывало и такъ, что на другой день выѣзжали въ дальнѣйшій путь послѣ обѣда. Для насъ эти путешествія были праздникомъ.

По приѣздѣ въ Задонскъ, мы останавливались въ гостинницѣ, помѣщавшейся внутри самаго монастыря, и тотчасъ же отправлялись въ церковь и потомъ въ палатку преосвященнаго. Она помѣщалась подъ алтаремъ, и туда сходили нѣсколькими ступенями внизъ. Въ срединѣ, подъ сводами, стоялъ надгробный саркофагъ Тихона, на которомъ сверху было чеканное вызолоченное его изображеніе во весь ростъ. Здѣсь, во мракѣ, разгоняемомъ лампадами и свѣчами, служили панихиду по усопшемъ. Заунывное погребальное пѣніе, прерываемое воплями бѣснующихся кликушъ, производило на меня сильное, потрясающее впечатлѣніе: я страшно боялся и съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода оттуда на свѣтъ Божій.

Мы были знакомы со всѣми монахами и знали по имени каждаго. Приѣздъ нашъ былъ радостью и для нихъ, и для меня. Они были всегда очень довольны угощеніемъ отца и его подарками, а я просфорами и вишнями, которыми они меня угощали.

Я уже сказалъ, что родители мои были люди благочестивые. Они жили по старинному и воспитывали насъ въ томъ же духѣ. Посты у насъ содержались строго; по Средамъ и Пятницамъ ѣли постное. Наканунѣ праздниковъ и воскресныхъ дней служили всенощную. Отецъ хорошо зналъ церковный уставъ и самъ пѣвалъ на клиросѣ. Съ раннихъ лѣтъ приучилъ онъ меня читать и канонаршить стихиры. Помню, что въ награду за хорошее мое поведеніе отецъ приготовилъ мнѣ подарокъ въ мои именины. Недѣли за двѣ до дня Св. Дмитрія (21-го Сентября), онъ началъ учить меня на распѣвъ Апостоль святителямъ. Такъ какъ по малолѣтству я не могъ держать въ рукахъ большую книгу Апостола, то мнѣ сдѣлали маленькій складной аналой, и я на немъ прочелъ въ церкви, въ день своихъ именинъ, Апостоль къ Евреямъ, оставшійся и доселѣ у меня въ памяти: «Братіе, повинуйтесь наставникамъ вашимъ и покоряйтесь, ти бо бдятъ о душахъ вашихъ» и пр.

Между тѣмъ время шло. Старшіе братья подрастали, и наступала пора выходить изъ родительскаго дома. Это было чрезвычайно тяжело для отца, который любилъ насъ безгранично и особенно старшаго моего брата Александра, который вообще былъ любимцемъ всей семьи. Другой братъ Иванъ былъ тѣлосложенія слабаго и вообще болѣзненнаго, а потому не могъ и помышлять о военной службѣ, куда теперь готовился старшій. Сборы были продолжительны; братъ нетерпѣливо ждалъ отъѣзда: его привлекала новость его положенія, а главное Москва, гдѣ стоялъ полкъ, въ который хотѣли его опредѣлить, и военный мундиръ, составлявшій въ то время идеаль блаженства каждаго дворянскаго недоросля. Братъ Иванъ, уже приученный къ мысли о недо-

ступности для него военной службы, не могъ однако побѣдить въ себѣ чувство зависти счастью Александра; а я, сознавая, что еще слишкомъ малъ для военной службы, оправдывалъ свою зависть будто бы желаніемъ учиться и поступить въ университетъ, не понимая самъ, что это за учрежденіе и думая, что тамъ можно начать учиться чуть-ли не съ азбуки.

Наконецъ наступило время отъѣзда. У насъ въ то время гостила тетка, родная сестра отца, Варвара Фёдоровна Дохтурова: съ нею отпустили брата въ Москву и снабдили его рекомендательнымъ письмомъ къ родственнику нашему Василию Никаноровичу Шеншину, квартировавшему въ Москвѣ, гдѣ у насъ было немало и другихъ родныхъ, съ которыми однакоже мы были незнакомы, такъ какъ далѣе Задонска изъ дому не выѣзжали. Тяжела была эта первая разлука. Мать рыдала, отецъ видимо былъ разстроенъ, и мы всё плакали. Плакала и прислуга не только потому, что видѣла плачущихъ господъ, но по неподдѣльной любви и привязанности ко всѣмъ намъ, что тогда было не рѣдкостью. Братъ прощался со всѣми и каждымъ и уѣхалъ полный волненія и горя. Для меня это была первая печаль, которую испытывалъ я въ моей жизни; долго я не могъ утѣшиться...

Описывая впечатлѣнія и событія этого періода моей жизни, я едва не забылъ упомянуть о событіи всемірнаго значенія—о войнѣ 1812 года; но самый этотъ пропускъ въ моей памяти доказываетъ, какъ слабы были впечатлѣнія, какія оставила во мнѣ эта знаменитая эпоха нашей исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было тогда всего шесть лѣтъ, и у меня остались въ памяти только непосредственныя мои воспоминанія: ходъ общихъ событій, тѣ или другія потери были для меня недоступны. Не могу однакоже сказать, чтобы я былъ совершенно равнодушенъ къ войнѣ; безпрестанные о ней разговоры, рассказы о храбрости нашихъ войскъ, и особенно рассказъ о подвигѣ генерала Раевского, пошедшаго въ бой съ двумя сынами-юношами, сильно дѣйствовали на младенческое мое воображеніе, и я не разъ видѣлъ во снѣ, что своеручно убилъ Наполеона, имя котораго было предметомъ всеобщей ненависти.

Хотя однажды, въ бесѣдѣ съ сосѣдомъ, отецъ мой, указывая на меня, игравшаго въ той же комнатѣ, сказалъ шутя: «вотъ и онъ будетъ говорить, что былъ современникомъ настоящихъ событій»: со всѣмъ тѣмъ я долженъ теперь отказаться отъ личныхъ воспоминаній. Помню только, какъ ежедневно чрезъ нашу деревню съ одной стороны на соединеніе съ арміей шли иррегулярныя войска Башкиръ и Киргизовъ, а съ другой—гнали толпы военнопленныхъ. И тѣхъ и другихъ отецъ принималъ съ обычнымъ гостепріимствомъ. Офицеры обѣ-

дали за нашимъ столомъ; нижнихъ чиновъ угощали на дворѣ предъ нашими окнами. Одинъ изъ военнопленныхъ Французовъ, капитанъ Паганъ (Pagan) жилъ въ то время въ нашемъ домѣ. Онъ оставилъ самыя свѣтлыя о себѣ воспоминанія и въ послѣдствіи, по возвращеніи въ отечество, будучи комендантомъ Киберонской крѣпости въ департаментѣ Морбиганскомъ, онъ не забывалъ насъ и былъ съ нами въ перепискѣ. На него, на гувернера нашего Итальянца Маркіо, на танцмейстера Поляка и на управляющаго Нѣмца было возложено угощеніе пленныхъ, каждаго по его національности. Странно, что эти угощенія, какъ я хорошо помню самъ и знаю отъ старшихъ меня, не возбуждали ни малѣйшей неприязненности въ крестьянахъ, которые толпами, особенно въ первое время, стекались посмотреть на нихъ. Они даже оправдывали ихъ говоря: «вѣдь не своей волей шли, Бонапартъ гналъ». Когда подумаешь, что тягость тогдашней войны не могла не ощущаться каждымъ изъ нихъ, которые, кромѣ усиленныхъ рекрутскихъ наборовъ, только что поставили ратниковъ изъ девятидесятаго и несли тягостные поборы въ видѣ податей, фуража и провіанта для проходящихъ партій: то невозможно не отдать справедливости тому добродушію и любовности, которыя составляютъ отличительную черту Русскаго народнаго характера.

Возвращаюсь ко времени разлуки нашей съ братомъ Александромъ. Это было, помнится, въ 1818 году. Здоровье отца, уже и прежде начавшее клониться къ упадку, теперь видимо слабѣло. Онъ не могъ уже ходить безъ палки, а иногда долженъ былъ прибѣгать къ пособію слуги, который водилъ его подъ руки. Разлука съ любимымъ сыномъ и измѣняющее здоровье сильно дѣйствовали и на моральную его сторону, и онъ, отличавшійся прежде стойкостью и веселостью характера, теперь становился часто унылымъ и задумчивымъ. Я помню, что во время служившихся у насъ всеобщихъ, онъ при чтеніи въ Евангеліи отъ Іоанна словъ Спасителя Петру: «Егда бѣ юнъ, поясаеша самъ и хождаша, аможе хотяше; егда же состарѣешия и воздежеши рущѣ твои, инъ тя пояшетъ и ведеть, аможе не хоцещи», воздѣвалъ руки, и слезы навертывались на глаза его!

Понятно, что, при такомъ положеніи хозяйчна, домъ нашъ рѣже посѣщался гостями; притомъ же нѣкоторые изъ пріятелей переселились въ Москву, другіе отошли въ вѣчность; авторитетъ отца въ уѣздѣ начиналъ ослабѣвать. Нашелся человекъ, который воспользовался безпомощностью старика, уже одною ногою стоявшаго въ гробу, и беззащитностью женщинъ и дѣтей, чтобы нанести ему безнаказанно оскорбленіе, ничѣмъ не заслуженное. Это былъ нѣкто Василій Николаевичъ Анохинъ, дворянскій засѣдатель Даяковскаго Земскаго Суда.

Онъ и прежде былъ вхожъ въ нашъ домъ. Служа сначала простымъ подъячимъ, онъ, конечно, не бывалъ у насъ далѣе прихожей, въ которой между прислугою имѣлъ даже пріятелей. Потомъ, дослуживъ до класнаго чина, онъ вздумалъ доказать свое дворянское происхожденіе. Тогда это было не трудно—нужно было только представить въ депутатское собраніе свидѣтельство отъ нѣсколькихъ почетнѣйшихъ дворянъ о томъ, что онъ принадлежитъ къ этому сословію. Я помню, что отецъ мой первый подписалъ о немъ такую бумагу. Разъ признанный дворяниномъ, онъ вскорѣ добился выбора въ засѣдатели. Въ одно прекрасное утро является онъ къ намъ въ домъ въ сопровожденіи артилерійскихъ солдатъ, взятыхъ имъ изъ квартировавшей въ Данковѣ роты, полицейскихъ служителей и толпы понятыхъ, и объявляетъ, что прибылъ для поимки недоимочныхъ считавшихъ за нами рекрутовъ. Съ крикомъ и буйствомъ входитъ онъ къ намъ, ставитъ къ дверямъ отца часовыхъ съ обнаженными тесаками и такихъ же у всѣхъ входовъ нашего дома, и начинается по всѣмъ комнатамъ ловля прислуги. Оскорбленный до глубины души отецъ едва переноситъ ударъ, отчаявшаяся мать въ обморокъ, мы въ слезахъ и вопляхъ, прислуга кричитъ, рыдаетъ и прячется. Наконецъ, нападеніе окончилось; торжествующій засѣдатель, забравъ съ собою и заковавъ въ кандалы бывшихъ своихъ друзей, камердинера моего отца, буфетчика и любимаго кучера, съ которымъ прежде игрывалъ въ карты, снялъ осаду и часовыхъ и уѣхалъ въ городъ. О глубинѣ и степени прочувствованнаго нами оскорбленія, въ настоящее время невѣроятнаго, можно судить по тому, что я и теперь, на разстояніи болѣе пятидесяти лѣтъ отъ происшествія, неравнодушно пишу эти строки.

По отъѣздѣ Анохина, когда мы успѣли нѣсколько успокоиться, первую заботою отца было распоряженіе о посылкѣ въ Рязань очередныхъ рекрутовъ для замѣны взятыхъ засѣдателемъ. Возвратившіеся люди были страшно обезображены выбритыми лбами до половины головы съ уха на ухо, что видѣлъ я тогда въ первый еще разъ.

Какая же причина побудила Анохина къ его неслыханному поступку? Это осталось для насъ загадкою. Говорили, будто бы въ какой-то городской компаніи новоиспеченный дворянинъ очень расхвастался своимъ величіемъ. Кто-то замѣтилъ ему: «здѣсь-то ты боекъ, а вотъ у графа въ домѣ тише воды, ниже травы». Чтобы доказать противное, онъ сдѣлалъ вышеупомянутую вылазку. Давно уже умеръ и онъ, оставивъ весьма значительное состояніе, нажитое игрой, единственной дочери своей Софьѣ Васильевнѣ, по второму замужству Апрѣлевой. Остающіеся въ живыхъ члены нашего семейства и я находимся въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Какъ она, такъ и мужъ

ея люди весьма почтенные. Отвратительная продѣлка ея отца была совершена имъ до ея рожденія, и я думаю, что она объ этомъ никогда ничего и не слыхивала. Господь да проститъ ему сдѣланное имъ зло и да упокоитъ душу оскорбленнаго имъ моего отца!

Между тѣмъ воспитаніе наше шло безо всякой системы или плана. За недостаткомъ въ деревнѣ учителей намъ преподавалъ *ест* науки бывшій танцмейстеръ, Полякъ Викентій Лаврентьевичъ Новаковскій. Онъ училъ насъ по-французски, языкъ который самъ едва разумѣлъ и притомъ съ сильнымъ Польскимъ произношеніемъ; онъ же обучалъ географіи, всеобщей исторіи и ариметикѣ, по первымъ случившимся учебникамъ. Въ этомъ курсѣ заключался весь кругъ наукъ, намъ преподававшимся. Существованіе другихъ едва-ли даже подозрѣвали.

Въ это время я былъ уже мальчикомъ лѣтъ 13-ти, и вотъ что я зналъ: я умѣлъ читать по-французски, не понимая ни одного слова; учился Французской грамматикѣ и рѣшительно не умѣлъ приложить ее къ дѣлу; потребности Русской грамматики не сознавалось вовсе. Былъ знакомъ нѣсколько съ географіей, имѣлъ отрывочныя понятія и свѣдѣнія изъ древней исторіи, зналъ кое-какъ первыя четыре дѣйствія ариметики. За то я былъ вполне знакомъ съ кругомъ церковнаго богослуженія, основательно зналъ Священную Исторію и Катехизисъ; прочелъ Св. Писаніе Новаго и отчасти Вѣтхаго Завѣта, всѣ Четырехъ Миней, Патерикъ Печерскій и нѣкоторыя сочиненія Василія Великаго, Іоанна Златоустаго, Макарія Египетскаго, Ефрема Сирина, Лѣтвничника и друг. Познавательныя мои способности развивались несомнѣнно, но развивались односторонне и въ направленіи вполне аскетическомъ.

—

Пріѣздъ къ намъ Московскихъ гостей и сближеніе съ ними произвели огромный переворотъ въ нашей жизни: они уговорили отца переѣхать въ Москву. Сколь ни тяжело было старику оторваться отъ привычекъ цѣлой жизни, но многія серіозныя соображенія относительно дѣтей заставили его разстаться съ мирной деревней, гдѣ онъ счастливо прожилъ тридцать лѣтъ сряду.

Когда рѣшеніе это сдѣлалось намъ извѣстнымъ, радости нашей не было конца. Москва!... Какъ много значенія заключалось для насъ въ этомъ словѣ! Сколько ни напрягалъ я своего воображенія, я никакъ не могъ себя образно представить этого города. Я воображалъ себя Москву обширнымъ селеніемъ и непременно окруженнымъ гумнами, какъ у насъ, въ нашихъ хлѣбородныхъ мѣстностяхъ. Меня особенно интересовали мостовыя, которыхъ я никогда не видывалъ. Я слыхалъ, что они вымощены камнемъ и представлялъ себя ихъ въ видѣ мозаики; мнѣ рассказывали, что при ѣздѣ на нихъ изъ подъ